

Александр Андриюшкин

ТРАГЕДИЯ ЗОРКОГО ВЗГЛЯДА

Анонс о выходе поэмы Германа Венедиктова «Пермские боги»

Герман Венедиктов (1932–2004) прожил жизнь, пришедшуюся на трагичное, но, быть может, и самое счастливое для нашего народа время: вторую половину XX века. Однако в его поэме «Пермские боги» (1989) нельзя не расслышать, прежде всего, нот отчаяния, боли, муки, — словно бы от незаживающей раны.

Видеть в повседневности подоплёку смерти — особенность зрения, данная немногим; я не нахожу вреда сказать об этом в кратком сопроводительном слове, хотя коммерческий расчёт велел бы действовать иначе. Упомянуть, например, чарующую способность Венедиктова воспринимать реальность более сказочной, чем она есть на самом деле. «Одному просто улица, а другому — заколдованный сад».

Завлечь читателя... Но надо ли? Тех, кого заинтересовало название «Пермские боги» и фотографии вырезанных из дерева святых, не остановит моё указание на тяжёлую судьбу Венедиктова, неотделимую от его непростого взгляда на жизнь. Фольклорист — он не защитил диссертации; график — не встретил громкой славы иных художников; поэт — очень редко печатался и в советское, и уже в постсоветское бесцензурное время.

Представляемая читателю книга — это философская поэма (неужели ещё одно «отпугивающее» определение?), — но философия в ней опирается на простейшие и всем понятные жизненные наблюдения, например, такие (из Вступления):

*Эта песня проста — не нова, не темна: / Двое жили на свете — знай.
Был один из друзей, из товарищей — На, / а другой был весёлый — Дай.*

Или вот ещё сценка из поэмы «Пермские боги», рамочный сюжет которой, кстати, тоже несложен. Исследователь «из центра»

приезжает в один из городов глубинки и там встречает в музее религиозные изваяния (в том числе, Иисуса, Богородицы), а среди местных людей интересную библиотекарьшу Веру и не менее интересных — с весьма «закрученным» мировоззрением — местных философов, чем-то похожих на Фому неверующего, на Николу-угодника, даже на апостола Петра... Каждое действующее лицо ведёт сложную философскую партию, но не восходит ли всё — как к некоей первопричине — к тому ранению (смертельному?), которое получила Россия в ходе большевистской революции? Вот как однажды распорядился поставленный руководить местным музеем большевик. До музея он заведовал вовсе не учреждением культуры и теперь думает, прежде всего, о нехватке ящиков. И находит вполне «новаторское» применение хранимым в запасниках иконам:

*«Религия!..» — сказал и двинул бровью, / в немые лики попинал ногой
и, обернувшись к робкому завхозу, / повёл плечом:*

стесать — и будет тара!

*Явился Пётр, с фуганком и рубанком, / и разложил свои орудья пытки,
примерился — а мне какое дело! — / и стал сосредоточенно трудиться.
Их было ровно двести пятьдесят...*

...Герман Венедиктов написал поэму абсолютно не политическую, зачем же (могут спросить меня) я процитировал данную политически окрашенную сценку?

Во-первых, и эта сценка не шаблонна, в ней чуткое ухо уловит намёк на роль некоторых *Петров* в некоторых исторических событиях... Во-вторых, я хотел подчеркнуть: Герман Венедиктов в весьма абстрактной поэме «Пермские боги» всё-таки твёрдо стоит на земле. Да, он «сказочник», но сами фотографии религиозной деревянной скульптуры, приложенные к поэме, напоминают нам, что «сказка» эта укоренена в реальности. Есть две болезни: одна, когда люди не видят в мире ничего кроме простых вещей, и вторая, когда они живут в полностью оторванной от действительности выдуманной вселенной. Ясно, что первой болезни философская поэзия Венедиктова не подвержена, но нет в ней — слава Богу — и чрезмерного уклона в пустую игру непонятными смыслами.

Смыслы этой трагической поэмы внятны любому из нас, и несомненно: творению Германа Венедиктова обеспечена долгая жизнь.

Санкт-Петербург

